

О ВАЖНЕЙШИХ СТРАНИЦАХ МОЕЙ ЖИЗНИ (40-е годы)

22 июня 2001 г. исполнилось 60 лет со дня начала Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. У людей моего поколения война перевернула всю жизнь, определила глубокий драматический рубеж: «до» и «после».

21 июня 1941 г. я, будучи студенткой второго курса филологического факультета ЛГУ (мне было не полных 18 лет), сдавала последний экзамен и собиралась ехать на каникулы домой в Брянскую область. Но война внезапно все изменила. Студенты, и я в том числе, с первых дней войны активно включились в целую серию мероприятий, направленных на оборону города. С группой студентов я с самого начала июля выехала на Лужское направление копать окопы - противотанковые заграждения.

Ленинград имел огромное оборонное значение - гитлеровцы хотели захватить Ленинград молниеносно, отнять у нас ключ к Северу, превратить Балтийское море в немецкое море, лишить нас Балтфлота, дать возможность фашистам наступать на Москву с севера. Наступление на Ленинград началось уже в июле, а с 8 сентября немецко-фашистские войска отрезали Ленинград от суши, началась блокада Ленинграда.

С августа месяца я по комсомольской мобилизации оказалась на военном Кировском заводе, в третьем механическом цехе, изготовлявшем пушки для фронта. Жила я в квартире брата, мобилизованного на фронт, в районе Староневского у Невской Лавры. Кировский завод был у Нарвской заставы, на расстоянии 14-15 км. Когда осенью 1941 г. остановился транспорт, мне нужно было пешком ходить на завод. Вставала в пять часов утра и холодным, темным, промозглым от сырости утром отправлялась пешком на завод. Я никогда не забуду этой дороги от Староневского по Лиговке, Обводному каналу, Международному проспекту, к проспекту Стачек, до завода.

В городе начался страшный голод, силы были на исходе. Чтобы дойти до завода более или менее энергично, я выбирала цель - идущего впереди меня военного мужчину - и мчалась за его фуражкой, если наши пути не совпадали и этот военный сворачивал в сторону, я выбирала другого военного. Они шли энергично и были достойным ориентиром, руководствуясь которым я доходила до завода.

Обстановка на заводе, несмотря на голод, холод и катастрофическое приближение врага (завод обстреливался дальноточными орудиями и мало чем отличался от опасного участка фронта), была совершенно особенной. Кировцы ни на минуту не сомневались в том, что Ленинград никогда не будет сдан врагу. Это были совершенно особые люди, беззаветно преданные Родине и своему делу, кроме того, это были люди добрые, сердечные, готовые поделиться последним. Таким запомнился мне начальник нашего цеха Дмитрий Андреевич Котлярчук. Сильный, добрый, сердечный. Он заботливо опекал всех молодых, недавно перешагнувших порог завода. Общение с такими людьми очень помогало переносить все трудности. Работа на Кировском заводе помогала и в другом отношении. У меня была рабочая карточка. Это тоже, хотя и не на-

много, но подкрепляло силы. В самое трудное время - декабрь, январь 1942 г. - я получала не 125 г хлеба, как иждивенцы и мои товарищи-студенты, а 250 г и какие-то еще добавки. Может быть, поэтому я «держалась», чем-то отличалась от настоящих «дистрофиков», хотя, конечно, голод я ощущала в полную меру и помню, как всю длинную дорогу на завод самой большой мечтой моей было ощутить в руке ломоть настоящего хлеба.

У большинства работающих на заводе было казарменное положение: можно было остаться на заводе ночевать и освободить себя от изнуряющих походов домой; но я была среди тех, кто стремился каждый день вернуться домой, с нетерпением ждала вестей от родных, судьба которых не давала покоя: успели ли они эвакуироваться из Брянска. На фронт я проводила в сентябре мою первую любовь - студента четвертого курса Ленинградского горного института. Естественно, что вести от близких были мне необходимы, как воздух, и я каждый день возвращалась домой в надежде узнать о них что-нибудь. И это в то время, когда ежедневно, с немецкой точностью, в 19.00 начиналась бомбежка города.

Завод зверски обстреливался. 770 бомб и много тысяч снарядов было обрушено на Кировский завод. Каждый вечер, несмотря на бомбежки, я возвращалась домой, вокруг сыпались осколки, но я никогда не пряталась в бомбоубежище, не чувствовала, как это ни странно, страха, мчалась домой с баночкой дрожжевого тошнотворного супа, который должен был как-то подкрепить мои силы для завтрашнего возвращения на завод.

Так было до середины марта 1942 г., когда завод остановился из-за полного отсутствия электричества. Нас отпустили домой, и вот здесь я впервые в жизни прониклась верой в Божий Промысел. В первый же «безработный день» я, вместо того, чтобы побольше утром поспать (ведь полгода я вставала в 5 часов утра), вскочила рано и пошла в университет на Университетскую набережную, 11, где жили студенты, навестить товарищей и узнала, что через три дня университет и факультет эвакуируются в Саратов. Меня отпустили на заводе, и я вместе со всеми оставшимися в наличии студентами, с большой группой преподавателей отправилась в эвакуацию. Сначала через «дорогу жизни» - Ладожское озеро, а затем от Тихвина поездом, медленно, по законам военного времени (ехали мы более двух недель) в Саратов. Сама по себе дорога запомнилась на всю жизнь.

На разных (преимущественно больших) станциях нас кормили, в ресторанах были накрыты столы для блокадников. Многие студенты не выдерживали этой еды, их приходилось оставлять по дороге в больницах, некоторые не выжили.

Большой удачей для нас как для студентов-филологов было то, что с нами эвакуировались многие наши любимые профессора - Г.А. Гуковский, М.П. Алексеев, Б.М. Эйхенбаум, И.П. Еремин, Г.А. Бялый, Д.Е. Евгеньев-Максимов, С.Д. Балухатый, И.Г. Ямпольский, М.Л. и И.М. Тронские, А.П. Рифтин, В.Д. Днепров и др.

К нам в вагон приходили многие из них с лекция-ми-беседами. Так, Б.М. Эйхенбаум очень интересно и остроумно рассказывал о самом, как он выразился, «железнодорожном» толстовском романе «Анна Каренина». Г.А. Гуковский, который работал над книгой о Гоголе, убежденно доказывал, что «Выбранные места из переписки с друзьями» - закономерный итог творчества Гоголя. Он отнюдь не считал эту книгу кризисной и видел в этом своеобразном итоге творчества Гоголя глубокий смысл и очевидную, по его мнению, знаковую для русской литературы 40-х гг. XIX в.

Саратовский период жизни филологического факультета ЛГУ (1942-1944) был знаменателен во многих отношениях. Во-первых, Саратовский университет встретил нас дружелюбно, с готовностью помочь библиотекой (в Саратове она отменная), аудиториями, общежитиями и всем остальным, необходимым для более или менее нормальной учебы. Мы познакомились с замечательными саратовскими филологами, такими, например, как А.П. Скафтымов, приходили на очень интересные встречи-диспуты между нашими, ленинградскими, и саратовскими учеными. Интереснейшим был диалог Б.М. Эйхенбаума и Н.В. Страхова по проблеме психологизма Толстого и И.Г. Ямпольского по вопросам художественной формы литературного произведения и имманентности анализа и т.д.

Такой научный обмен очень многое давал для общего развития студентов. Хотя по молодости лет мы многого тогда еще не понимали. Саратов запомнился своими литературными и художественными музеями, театрами, музыкальной культурой. Огромную роль в нашем культурном и духовном развитии сыграл МХАТ, который был тоже эвакуирован в Саратов. Это был блестящий МХАТ 40-х годов, когда его знаменитые «старики» И.П. Хмелев, М.М. Тарханов, Н.М. Москвин, П.В. Масальский, В.Н. Ливанов, М.М. Яншин, М.И. Прудкин и другие были молодыми. Когда блистали в чеховских «Трех сестрах» А.К. Тарасова, К.Н. Еланская, И.П. Гонеева и многие другие.

Мы знали МХАТ «наизусть», мы ходили по десятку раз на «Царя Федора Ивановича», «Трех сестер», «Дядю Ваню», «Вишневый сад», «Волки и овцы», «Таланты и поклонники», «Кремлевские куранты», «Анну Каренину» ...

Саратов, Саратовский университет сыграли значительную роль в нашей жизни. И все-таки тоска по Ленинграду была неумемной. Студенты сочинили песню на мотив «Ты одессит, Мишка», в которой хорошо передавалось настроение вынужденных оставить родной город и родной университет студентов Ленинградского университета:

Просторен наш лекторий,
Не счесть аудиторий -
И жизнь была прекрасна,
Прекрасна, как мечта.
Мы много занимались,
Стипендий добивались,
А вечером в театры ходили иногда.
И если тройки, тройки получали
Иль ссорились с любимым, дорогим,
Мы никогда не унывали,
А коль взгрустнется, дружно
Так заговорим:

Мы ленинградцы,
А это значит, что не страшны
Для нас ни горе, ни беда,
Ведь мы студенты все,
Студент не плачет
И не теряет бодрость духа никогда.

Но вот в любимый город
Пришла война и голод,
Враги хотели пулей и голодом нас взять,
Они забыли, братцы,
Что стойки ленинградцы,
Что города-героя
Фашистам не видать.
А если трудно приходилось
И силы начинали покидать,
Нам сразу легче становилось,
Когда мы начинали напевать:

Мы ленинградцы, а это значит,
Что не страшны для нас ни голод, ни мороз,
Ведь мы студенты все,
Студент не плачет -
Любое горе переносит он без слез.

Далек от нас лекторий
И нет аудиторий:

В Саратов нас забросила война.

Обеды жидковаты,
В домах холодновато
И часто вместо лекций
Идем пилить дрова.

А если света не бывает
И в срок экзамен нужно сдать,
Студент и тут не унывает
И в темноте он начинает напевать:

Мы ленинградцы, а это значит,
Что нас теперь уже ничто не устроит,
Ведь мы студенты все,
Студент не плачет
В ответ на трудности
Он только говорит:
Мы ленинградцы и т. д.

Сразу же по окончании третьего курса летом 1942 г. нас, студентов ЛГУ, вместе с саратовскими студентами послали на другой берег Волги в бывшую республику немцев Поволжья - Мариенберг. Это было время наступления немцев на Сталинградском фронте. Война шла за нами по пятам. Нам пришлось быстро (через 2-3 недели) ретироваться. Помню, как на машине с летчиком подбитого фашистами самолета мы вернулись в Саратов. Там же я получила очень печальное для меня известие - похоронку о смерти моего Михаила, письма которого согревали душу, но они приходили все реже и реже, и вот трагическое известие...

В Саратове мы продолжали настойчиво учиться. Студентов было немного, а концентрация профессорского внимания на каждом из нас была значительной. Мы слушали замечательные лекции Г.А. Гуковского по истории литературы первой трети XIX в. Он впервые читал этот курс, читал его блестяще. В это время он работал над очерками по истории русской литературы XIX в. На нас он проверял своего Пушкина, Лермонтова, Гоголя. В Саратове вышло первое издание его книги «Пушкин и русские романтики». Мы впервые узнали, что такое творческий метод. Г.А. Гуковский рассмат-

ривал его как художественное мировоззрение писателя. Русский романтизм предстал перед нами как широкое направление русской литературы и культуры. Пушкин-романтик рассматривался на фоне других романтических течений - Жуковского и поэтов-декабристов. Как требовало время, художественная литература рассматривалась в тесной связи с социологией. Художественное творчество толковалось как общественное явление. Однако в концепциях Г.А. Гуковского литературный процесс был лишен каких бы то ни было налетов догматизма: спасало удивительное художественное чутье, умение проникать в тончайшие клеточки художественного слова, нравственный, эмоционально-эстетический потенциал лекции был огромен. Каждый стих доносился как на ладони до сердец слушателей, пораженных и буквально замороженных этим блестящим умением выражать невыразимое. Именно Г.А. Гуковский сумел сказать о романтизме Жуковского так, что он воспринимался как Колумб, открывший Америку нового художественного слова. Не удивительно, что и сегодня, в новом веке, спустя почти 60 лет, бурных, перестроечных, когда мы пережили в науке вульгарный социализм, структурализм, постструктурализм, деконструктивизм и пр. и пр. Многие в концепции Г.А. Гуковского о первом русском романтике остались не только жить, но и явились основополагающим.

Столь же широко раскрывались поэты-декабристы и декабризм вообще как общественное и эстетическое явление. Жуковский и декабристы явились двумя важнейшими составляющими романтизма Пушкина, который предстал как открытие нового мира и нового человека.

Глубоко новаторски Григорий Александрович раскрывал широкий процесс формирования реализма Пушкина, неустанно думая при этом о человеке сегодняшнего дня и о судьбе нашего отечества, его культуры в ее настоящем и грядущем. Это сделало лекции Г.А. Гуковского современными и интересными не только для филологов, но и для физиков и математиков, которые часто переполняли и без того забитые до отказа аудитории, где знаменитый профессор превращался в яркого властителя дум.

А затем в курсе Г.А. Гуковского был Гоголь, новый для нас, открытый исследователем писатель, создавший свою особую систему стиля, которая рельефно представляла истинный взгляд художника на мир из создаваемых им живых образов. Конечно, с момента создания книг о реализме Гоголя прошло много времени, наука о литературе значительно продвинулась вперед. Но в чем-то существенном труды Г.А. Гуковского остаются непревзойденными, они положили начало целому направлению в изучении литературы - структурно-типологическому - и во многом решительно превосходят сегодняшние постструктуралистские, деконструктивистские игровые концепции Гоголя, искажающие подчас смысл гоголевского смеха, приписывающие великому писателю абсолютизацию апокалептических тенденций и значительно обедняющие великий гуманизм создателя «Шинели» и «Мертвых душ».

Большую роль в формировании профессионализма студентов играли общие курсы по литературе Г.А. Бялого, П.И. Беркова, спецкурсы Б.М. Эйхенбаума, М.П. Алексеева, М.Л. и Н.М. Тронских, С.Д. Балухатого, Д.Е. Евгеньева-Максимова и др.

Г. А. Бялый читал нам большой и блистательный курс русской литературы второй половины XIX в. В центре его литературоведческих интересов был Тургенев и Чехов, Гаршин и Короленко, но и не менее блистательно он читал Толстого и Достоевского. Концептуальная выстроенность, акцент на личности писателя и особом мире художественного пространства произведения, искусство изложения, мастерская работа с текстом - все это и особый тип отношений между лектором и слушателем делало лекции Бялого ярким явлением нашей учебной программы. Объективная, сочувственно-внимательная и трезвая манера мыслить, неподдельный «дух благородной и мудрой умеренности», изящность и тонкость в отношении к предмету создавали особую атмосферу бяловских лекций, поражающую слушателей. Шутивно в праздничном приветствии П.Н. Берков говорил:

Кто новый наш Орфей,
Кто словом движет скалы?
Профессор Бялый.

Б.М. Эйхенбаум, виднейший теоретик и историк литературы, ученый с мировым именем, читал нам ряд спецкурсов, теснейшим образом связанных с его научными интересами, с его блистательными книгами о Лермонтове и Толстом. Это такие спецкурсы, как «Творческий путь М.Ю. Лермонтова», «Война и мир» Л.Н. Толстого. Проблемы текстологии». Спецкурсы вводили студентов в сложную методологию изучения художественного творчества. Самые главные для Бориса Михайловича «подлинные исторические смыслы художественного произведения», которые проявляются лишь в связи со всей системой философских, исторических, религиозно-нравственных, общественно-утопических и научных теорий. Отсюда и широчайший культурно-исторический фон его лекций и удивительная философская, нравственно-психологическая емкость исследуемых им произведений. Не говоря уже о чуткости к слову, проникновенной тонкости анализа художественной речи, лекции Бориса Михайловича отличались четкой нравственной направленностью. Настаивая все больше и больше на современном прочтении классиков при полной научной добросовестности и объективности, автор понимал, сколь односторонне такое отношение к великому русскому писателю, когда на него смотрели с позиций узко понятого критического реализма, когда игнорировались высокие нравственно-эстетические и нравственно-философские проблемы творчества.

Один из первых Б.М. Эйхенбаум обратил внимание на огромную актуальную важность для русского литературоведения конца 50-х гг. проблем нравственного воспитания человека. 3 июня 1957 г. он записывает в дневнике: «...важнейшей предпосылкой переустройства общества является воспитание совести, человечности. Вот здесь основы подлинной диалектики». И далее более четко: «Проблема литературы - не в создании положительного героя, а в соотношении доброго и злого, высокого и низкого». С этой точки зрения он исследует творчество великих классиков русской литературы - Толстого и Лермонтова, Лескова, Карамзина и многих других.

Поворотное значение, например, имеет его трактовка нравственно-философской проблематики «Анны Карениной», высшей нравственной идеи романа,

скрытой в эпиграфе, который явился ключом к важнейшей для Толстого проблеме нравственного выбора и сущности человеческого счастья.

Связь Б.М. Эйхенбаума с современностью проявлялась в большой мере в том, что он всегда ощущал себя активным участником литературного движения, активно выступал в роли критика, писал о своих современниках - Ахматовой и Маяковском, А. Белом и Соллогубе, М. Горьком и О. Форш.

Спецсеминар у Б.М. Эйхенбаума на 3-4 курсах по Лермонтову, дипломная работа на тему «Эволюция лирики Лермонтова», аспирантура под руководством Бориса Михайловича, защита кандидатской диссертации - хорошая школа, традиции которой я стремилась быть верной в Томске, куда я приехала в 1949 г. после защиты кандидатской диссертации. Однако обо всем по порядку.

Сразу же после снятия блокады в 1944 г. мы вернулись в Ленинград, в этом же году я окончила университет и поступила в аспирантуру. Одновременно я руководила отделом науки в секции русской литературы Ленинградского Дворца пионеров, работала с одаренными учениками старших классов ленинградских школ и получала очень важный для себя учительский опыт.

День победы 9 мая 1945 г. - незабываемый день общего ликования, вылившегося в торжественный митинг на Менделеевской линии Университета. Все было радостно и торжественно и ничто не предвещало мрачных дней борьбы с космополитизмом, «преклонением перед Западом», разгрома генетиков, лингвистов, лингвистов, доклада А.А. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград», ниспровержения Ахматовой, Зощенко и т.д. и т.п.

Мрачная тень всего этого легла и на мои аспирантские годы. Тема моей кандидатской диссертации «Литературная и общественная позиция журнала «Московский Вестник» (1827-1830)». Это - журнал российских шеллингианцев-любомудров: Д.В. Веневитинова, С.П. Шевырева, В. Титова, в котором активную роль, особенно с начала издания журнала, принял А.С. Пушкин и редактировал который известный историк и писатель М.П. Погодин. Пушкин активно печатался в журнале, и как знак пушкинского участия, первый номер «Московского Вестника» за 1827 г. начался сценной из «Бориса Годунова» - «Келья в Чудовом монастыре». Кроме этого, Пушкин поместил в журнале многие свои известные, в том числе и программные произведения. В журнале печатались интересные статьи, посвященные творчеству Пушкина.

Несмотря на различие позиций, Пушкин относился к любомудрам с интересом и в чем-то существенном сочувствовал и их литературной концепции (философско-эстетической позиции), и позиции журнала в целом. В противном случае было бы невозможно объяснить его участие в журнале. Естественно, что в своей диссертации я пыталась объяснить характер отношения Пушкина к любомудрам, его высокую оценку Д.В. Веневитинова, И.В. Киреевского, его интерес к М.П. Погодину. Более того, очень осторожно, но все-таки с определенным смыслом я говорила об отношении Пушкина к шеллингианским теориям любомудров и о том, что эти теории сыграли определенную роль в эволюции литературной позиции Пушкина, импонировали его борьбе с эмпиризмом в русской кри-

тике. С другой стороны, в своей диссертации я писала об определенной близости эстетики и критики «Московского Вестника» с декабристской критикой, например, с В.К. Кюхельбекером, который вместе с В.Ф. Одоевским издавал в 1824 г. альманах «Мнемозина», в чем-то существенном предвосхищавшим «Московский Вестник».

В 1948 г., когда я защищала свою кандидатскую диссертацию, очень опасно было говорить о русском шеллингианстве. Это было время оголтелой борьбы с «низкопоклонством перед Западом». Говорить в это время о какой-нибудь положительной роли немецкой идеалистической философии, упоминать имя Шеллинга, Канта, Гегеля, несмотря на их реальную роль в русском освободительном движении, было очень опасно. Помню, что когда Г.А. Гуковский на каком-то серьезном ученом заседании заявил, что он не считает Гегеля глупым ученым, - это воспринималось как удивительная для того времени смелость, вызвавшая «движение в рядах».

В такой обстановке я защищала свою кандидатскую диссертацию. После весьма положительных и глубоких выступлений моих оппонентов - Г.А. Гуковского и П.Н. Беркова - выступил московский аспирант В. Архипов, известный впоследствии своей скандальной репутацией, и заявил, что диссертант в своем исследовании отдает дань враждебной теории «единого потока». В одном ряду диссертант рассматривает Пушкина и реакционных шеллингианцев - любомудров, любомудров и декабристов. В.И. Ленин говорил: «Декабристы разбудили Герцена». При чем же здесь любомудры? На таком уровне он развенчивал концепцию моей работы. После него в мою защиту выступили М.П. Алексеев, Н.Н. Мордовченко, В.М. Жирмунский, М.К. Азадовский, второй раз выступили официальные оппоненты. После таких защитников мне было легко отвечать В. Архипову. В определенной мере моя защита была предвестием тех разгромных дискуссий, которые развернулись в ЛГУ уже после моего отъезда в Томск.

Из трех городов, которые нам предложили на распределении - Кишинев, Душанбе, Томск, - мы с мужем выбрали Томск, руководствуясь прежде всего советами учителей - П.Н. Беркова, а также М.П. Алексеева, который в иркутский период своей жизни работал в Научной библиотеке Томского университета и настоятельно советовал подумать серьезно об изучении библиотеки Жуковского.

Так в январе 1949 г. мы оказались в Томске. Н.Ф. Бабушкин, заведовавший кафедрой литературы, встретил меня очень приветливо. С первых недель работы в ТГУ я убедилась в правильности своего выбора. Историко-филологический факультет ТГУ 40-50-х гг. был поистине блистательный факультет. Здесь работали А.И. Данилов, П.В. Копнин, Н.А. Гуляев, Н.Ф. Бабушкин, А.П. Бородавкин - все они, вчерашние фронтовики, молодые и талантливые, создавали ту неповторимую ауру, которая до сих пор воспринимается как период ренессанса. Здесь работалось легко, свободно и интересно. И я до сих пор благословляю судьбу за то, что связала свою жизнь с Томском и его замечательным университетом.

С 1949 г. начался новый, томский период моей жизни, требующий специального осмысления.